

В. П. ЯЙЛЕНКО

БАЛТИЙСКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАФФИТИ НОВГОРОДА

Древнерусские граффити на стенах новгородских церквей включают множество антропонимов, в том числе не засвидетельствованных другими источниками. Несколько имен, содержащихся в надписях церкви Спаса на Нередице (построена в 1198 г., расписана в 1199 г.) и Федора Стратилата (построена в 1361 г. и вскоре расписана), могут быть определены в качестве балтийских. (Нижеследующие надписи публикуются впервые.)

ХРМУТЬ ОЖЕЖЕНЬ
 СДХ ОІ ДАРЮМОЕ
 ГАЛЪТОВТУ
 1
 2
 ОПОНЕНОГОТИНРУПУГА
 3
 ЧАШКТАБРА

Рис. 1

1. На юго-восточном столбе Нередицкой церкви содержится несколько записей конца XIII—начала XIV в. о брачном деле, в том числе следующая (рис. 1): „Хомуть оженился. Ондрьею мою Гальтовту“ (с подразумеваемым глаголом „отдать“ или каким-либо другим). Компонент *-товт(а)* женского имени *Гальтовта* определенно указывает, что это древнелитовское или

прусское двуосновное имя с элементом *-taut*¹. Древнерусская передача компонента *taut* через *товтъ* известна с XIII в.: в I Новгородской летописи под 1262 г. упоминается литовский князь Товтивиль, под 1381 г. — Витовтъ². Первая основа имени *Гальтовт(a)* сопоставима с лит. *galė* „сила“, „мощь“ (ср. литовские двуосновные имена с компонентом *gal-* от *gal-ėti*³ и однокоренного *galė*: *Gálvydas*, *Gálmantas* etc.). Таким образом, *Гальтовт(a)* — это древнерусская передача балтийского имени **Galitaut-* со значением „сила, мощь народа“. Семантически это очень архаичное имя, эквивалентное, напр., древнегреческим именам *Μενέλαος*, *Μενέδημος* (*μένις* „сила“, „мощь“, *λαός*, *δῆμος* „народ“), первое из которых фигурирует уже в гомеровских поэмах. В балтийских источниках имя **Galitaut-* не представлено, но есть засвидетельствованное в Земландии прусское имя *Tawtegal*, включающее те же основы⁴. Древнерусская передача *Гальтовта* с соединительным *ь* показывает, что в исходной балтийской форме присутствовало тематическое *i*: **Gal-i-taut-*. Присутствие древнего по характеру имени в Новгороде, на краю древнего ареала расселения балтов (см. ниже), соответствует общей ономастической закономерности, состоящей в том, что архаичные имена и названия лучше сохраняются на периферии, нежели в центре языковой зоны. По-видимому, это пример трансмиссии архаизма из какой-то одной периферийной балтийской зоны в другую (т. е. в Новгород).

2. Граффито последней трети XIV—XV в. в церкви Федора Стратилата (рис. 2): „*Опоце Неготин Роупугя*“⁵. Здесь имя или прозвище *Рупугя* может

¹ Об именах с компонентом *taut* см.: Кузнецов Ю. П. Древние двуосновные личные имена у литовцев. — Живая старина, 1896, № 1, с. 38. Юркенас Ю. Древние сложные имена в письменных памятниках Великого княжества Литовского: Автореф. дис... канд. филол. н. — Вильнюс, 1966, с. 12. Leskien A. Litauische Personennamen. — IF, 1909, Bd 26, S. 348—349. *Vūga RR I* 256—259.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.—Л., 1950, с. 83, 378 (сокр.: НЛ с указанием года записи, без ссылки на страницу). См. также: Гумецкая Л. Л. Литовские имена с компонентом *-tovtė*, *-tolť* в украинских грамотах XIV—XV вв. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1963, с. 84—87.

³ Zinkevičius Z. Lietuvių antroponimika. — V., 1977, p. 140. Kuzavinis K., Savukynas B. Lietuvių vardų etimologinis žodynas. — Кн.: Vardai ir žodžiai. V., 1971, p. 84.

⁴ Trautmann R. Die altpreussischen Personennamen. — Göttingen, 1925, S. 104.

⁵ На возможный балтийский характер имени *Рупугя* мне любезно указал Е. А. Хелимский. В. Л. Янин, которому я благодарен за полезные замечания, предложил иное чтение: „*Опоцене Готино оу Путя*“. Однако при таком чтении приходится принимать Р за О с соскользнувшим „хвостиком“, что вряд ли возможно, поскольку последний имеет изгиб, т. е. это явно ножка Р с декоративным изгибом. Кроме того, при чтении В. Л. Янина приходится вычитывать неясное имя Путя. Буква Ц (в моем чтении) в слове „опоце“ похожа на Н по той причине, что при написании левой вертикали игла соскочила вниз за

быть сопоставлено с лит. *rūpūžė, rapūža, rapūkė, rapūgė, rapūga* „жаба“ (блр. *rapuxa, ponuxa*)⁶. Исход древнерусской формы имени *Рупугя* отражает ауслат лит. *rapūgė*⁷. Первое у древнерусской формы *Рупугя* может быть объяснено двояко: либо исходной балтийской основой было **rupūgė* (ср. лит. *rūpūžė*), либо *Рупугя* — это вторичный результат развития имени на славянской почве: исходную литовскую форму *rapūgė* первоначально отражало др.-рус. **Ропугя* (ср. польское имя — прозвище XIII—XIV вв. *Roruch, Rorucha*)⁸, из которой по аблауту *o—y* возникла форма *Рупугя*. К значению имени ср. новгородский антропоним XII в. *Жабча*⁹.

Неготин(ъ) упомянутого граффито может быть патронимиком или именем *Рупуги*; во втором случае *Рупугя* — прозвище при имени, как в польских источниках, в которых представлены обозначения людей типа *Paulus Rorucha* (см. примеч. 8). Имени или патронимику *Неготин(ъ)* нашего граффито явно соответствует *Нѣгутинъ*, упоминаемый в НІЛ под 1234 г., причем контекст записи предполагает, что это имя¹⁰. С другой стороны, формы *Негота, Негута*, представленные в польском и южнославянском памятниках¹¹, показывают, что *Неготин(ъ)* нашего граффито может быть и патронимиком.

Имя — патронимик *Негота — Неготинъ / Негута — Нѣгутинъ* может быть славянским и (или) балтийским по происхождению. Возможно, как предполагал Ф. Безлай, *Негота* — это гипокористическая форма имени *Негослав*. Формы *Негута, Нѣгута* в таком случае вторичные, по чередованию *o—y*. Равным образом имя *Неготинъ* может считаться балтийским по происхождению в сопоставлении с прусским гидронимом *Nogothin*, с аблаутом *o—e* на

пересечение с горизонталью. Обычно горизонталь Ц лежит на нижней линейке строки, но в некоторых граффити церкви Федора Стратилата имеются образцы расположения этой горизонтали и посередине строки, напр., Мѣ[СЯ]-ЦА ѿКТАБРЯ (рис. 3). Такое расположение горизонтали Ц известно и в рукописях; см., к примеру: Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. — М., 1979, с. 367.

⁶ Lietuvių kalbos žodynas. — V., 1978, t. 11, p. 179. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg-Göttingen, 1961—1965, S. 698, 751.

⁷ К передаче лит. *ė* через восточнославянское *я* ср. рус., блр. *пуня* < лит. *rūpė, rūpė* „сарай“, „хлев“, *рыкунья* < лит. *rukūnė* „доильница коров“, „хозяйка“ и др. (Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. — Л., 1982, с. 20—21).

⁸ Słownik staropolskich nazw osobowych. — Wrocław, 1976, t. 4, z. 3, s. 487.

⁹ Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. — М. 1978, с. 82: Местята Жабъчевичь.

¹⁰ „А новгородьць ту убиша 10 мужь: Феда Якуновича тысячьского, Гаврила щитника, Нѣгутина на Лубяници, Нѣжилу серебряника, Гостилца на Кузмадемьяни улици...“

¹¹ Słownik staropolskich nazw osobowych. — Wrocław, 1974, t. 4, z. 1, s. 42: „*Obi(it) Negutta*“. Bezłaj F. Slovenska vodna imena. — Ljubljana, 1961, t. 2, s. 50.

балтийской почве (сопутствующая латышская форма — *Negātne*)¹². При балтийском характере прозвища *Рупугя* резонно принять балтийское происхождение имени того же лица *Неготин(ъ)*¹³.

Отмеченные балтийские имена, представленные в граффити, — не единственные в Новгороде. Так, в берестяной грамоте № 161 XV в. упоминается имя *Домант* (лит. *Davmantas*)¹⁴. Без сомнения, специальное обследование новгородского антропонимического корпуса выявит еще ряд балтийских имен. Присутствие их в Новгороде XIII—XIV вв. может быть объяснено инфильтрацией отдельных балтийских элементов в Новгород в указанное время ввиду его оживленных политических и торговых связей с Великим княжеством Литовским¹⁵. Оседание отдельных балтов на жительство в Новгороде было возможным и потому, что в состав населения его земель в XIII в. входила балтийская латыгола. О поселении в Новгороде выходцев из Пруссии сооб-

¹² Gerullis G. Die altpreussischen Ortsnamen. — Berlin, Leipzig, 1922, s. 108. Дальнейшие сближения см.: Топоров В. Н. К фрако-балтийским языковым параллелям. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 74. Ср. также: Vanagas A. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. — V., 1981, p. 226. Южнославянский антропоним *Негота* тоже соотносится с гидронимом *Негота* (приток Савы) и топонимами *Negotin*, *Negotinas*; также и польский антропоним *Nieguta* соотносится с топонимом *Niegocin* (Bezlej F. Op. cit., t. 2, s. 50).

¹³ В тезисах этого доклада на конференции балтистов 1985 г. я предположительно связывал имя *Негота* с лит. *pėguodas*, однако выступившие в дискуссии М. Кондратьюк, А. П. Непокупный, В. Э. Орел высказались за связь имени с упомянутым прусским гидронимом, а Ю. Юркенас при этом указал и на необходимость привлечения славянских имен с основой *Нег-*. Эти советы коллег я и реализовал здесь. В тех же тезисах я предположительно привлек в число возможно балтийских имя *Копуж*, однако в надписи, как заметил мне В. Л. Янин, лучше вычитывать имя *Опуж*.

¹⁴ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 г. — М., 1958, с. 45—46.

¹⁵ По данным НЛЛ, с конца XII по первую треть XIII в. Новгород и Великое княжество Литовское находились в состоянии конфронтации (отмечаются столкновения в 1198, 1203, 1210, 1222—1224, 1229, 1234 гг.). В 1263 г. в Пскове был убит Товтивил Миндовгович, а сын его „вбежаша в Новгород с мужи своими“. В 1267 и 1323 гг. летопись зафиксировала единичные столкновения с Литвой. В 1333 г. Новгород посетил литовский князь Наримант с целью поклонения Софии; в 1379 г. здесь побывал Юрий Наримантович. В 1383 г. на княжение в Новгороде стал князь Патрикий Наримантович, в 1389 и 1407 гг. — Симеон Ольгердович. В 1393 г. Новгород и великий князь литовский Витовт заключили мир „по старине“, возобновленный также в 1400 г. Торговые связи с Литвой были настолько тесными, что в 1410 г. „начаша новгородци торговати промежи себе лопьци и гроши литовскими и артуги немецкими, а куны отложиша“. В 1411 г. новгородцы во главе с Симеоном Ольгердовичем отразили вторгшихся свеев. В следующем году Симеон удалился в Литву и отношения ухудшились. В 1428 г. Витовт подступил с войском к Порхову, но новгородцы откупились серебром. В 1436 г. Новгород и Жигимонт заключили мирный договор.

щает синодик церкви Вознесения на Прусской улице (рукопись рубежа XVII—XVIII вв.). В нем поименовываются основатели храма и отмечается: „*Пришествие же их в Великий Новъград бяше от Пруския земли во время княжения великаго Александра Ярославича, нарицаемого Невскаго*“¹⁶.

Проблема присутствия балтов в Новгороде и на его земле, однако, не ограничивается XIII—XV вв. Деревянная церковь Вознесения на Прусской улице, предшественница только что упомянутого каменного храма, сгорела в 1175 г., что указывает на существование Прусской улицы если не в XI, то в первой половине XII в. Происхождение названия этой улицы обычно соотносят с переселением в Новгород в XII в. прибалтийских пруссов¹⁷. Однако имеются некоторые данные, позволяющие предполагать изначальное, еще до X в., когда был основан Новгород, присутствие пруссов и шире — балтов — в Приильменье. Прежде всего должна быть отмечена выявленная Р. А. Агеевой остаточная балтийская гидронимия Новгородской земли, которая показывает, что северо-восточная граница расселения балтов простиралась во второй половине I тыс. н. э. до линии Нарва — Новгород, либо еще далее — до линии Тосно — Боровичи — Бежецк (это все новгородские владения XII—XV вв.)¹⁸. Упомянутые данные свидетельствуют о пребывании здесь балтийского населения (новгородская и псковская земли, по сведениям Р. А. Агеевой, включают 147 балтийских гидронимов; если критический отсев снимет даже половину этой цифры, останется достаточное количество гидронимов, предполагающее длительное пребывание тут балтов). Новгородская земля явно не была первоначальным ядром расселения балтов, это угро-финский ареал, поэтому следует предполагать, что балты появились тут либо в результате самостоятельной миграции, либо, как думал В. В. Седов, вместе

¹⁶ Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. — Новгород, 1960, с. 99. Запись хронологически противоречива: указанное переселение пруссов соотносится либо с постройкой церкви в 1185—1191 гг., либо со временем правления Александра Невского (1236—1251 гг.).

¹⁷ Передольский В. С. Новгородские древности. — Новгород, 1898, с. 42, 55, 399—404. Antoniewicz J. The Problem of the „Prussian Street“ in Novgorod the Great. — Acta Baltico-Slavica, 1965, t. 2, p. 7 f. Переселенцы из Литовского княжества оседали не только в Новгороде, но и на его землях. Так, в расходной книге Софии Новгородской за 1548 г. упоминается Пятой Литвинов (Известия Русского археологического общества. — СПб., 1861, вып. 3, с. 44). Отца этого Пятого, стало быть, звали Литвином и он был переселенцем — этническим балтом или белорусом. Пример обратного переселения: согласно записи НІЛ под 1445 г., от долгого голода новгородцы разбежались, в том числе в Литву.

¹⁸ См. ее статьи в кн.: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. — Рига, 1980, с. 147—152; Балто-славянские исследования. 1980. — М., 1981, с. 144, а также: Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. — М., 1985.

со славянами, которые могли вовлечь их в колонизационное передвижение сюда во второй половине I тыс. н. э.¹⁹ Названия отдельных районов Новгорода, так наз. концов, носят явно этнонимический характер: на правом берегу Волхова расположен Славенский конец, на левом — Неревский, Чудин и Людин, причем последние два разделяются Прусской улицей, или, как думали некоторые, Прусским поселком, концом²⁰. Эти названия указывают, что Новгород первоначально состоял из нескольких разноэтничных поселков: Славенский поселок составляли славяне, Неревский — эстонская нерева, Чудин — эстонская чудь новгородских летописей, либо заволоцкая чудь, т. е. в обоих случаях угро-финское население²¹. Название Людин конец, разумеется, не имеет никакого отношения к др. -рус. *люди*, *людин* и не принадлежит кривичам, как предполагали некоторые исследователи, — в системе этнонимических обозначений других концов его следует соотносить с самоназванием карельских племен: ливвики называют себя *l'uidi*, людики — *l'uid*; также и вепсы именуют себя *l'ud'*. Это означает, что первоначальными насельниками Людина поселка были карелы и (или) вепсы.

Итак, *ab origine* поселок на восточном берегу Волхова в районе Новгорода населяли славяне, поселки на западном берегу — угро-финские племена нарвы, чуди, карелов и (или) веси. Имея в виду балтийскую гидронимику Новгородской земли, *resp.* пребывание балтийского населения на ней во второй половине I тыс., можно полагать, что этнонимическое название Прусский также первоначально относилось к поселку туземных пруссов(балтов). Намек на древний характер связей Новгорода с балтами может содержать легендарная традиция о призвании Рюрика из Пруссии²². Конечно, причиной возникновения данной традиции было скорее созвучие названий Пруссия и Русь, нежели представление о балтийском прошлом части основателей Новгорода (хотя и последнее не исключено), но характерно, что летописная историческая мысль считает вполне возможными поиски истоков новгородской государственности в прусской (балтской) среде. Некоторые исследователи

¹⁹ Седов В. В. Гидронимика и археология. — В кн.: Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР: Тез. докл. — Рига, 1966, с. 17.

²⁰ Передольский В. С. Указ. соч., с. 395. Действительно, имея в виду систему этнонимических обозначений концов, естественно полагать, что этнонимическое же название Прусский первоначально относилось к концу, а со временем стало обозначать улицу.

²¹ Попов А. И. Названия народов СССР. — Л., 1973, с. 70. Седов В. В. Этнический состав населения Новгородской земли. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 77–78.

²² Полное собрание русских летописей. Т. 7: Летопись по Воскресенскому писку. — СПб., 1856, с. 231.

видят в этой традиции намек на прибалтийское происхождение новгородских славян, на что, по их мнению, указывает и свойственная Новгороду кончанская система, характерная для прибалтийских славян²³. Между тем кончанская экистическая система известна и балтийским народам, что реконструируется по общебалтийской основе *gal-* „конец“, „местность“, „край“ (лит. *gālas*, лтш. *gals*), представленной в ряде местных названий. В значении „край“ это лтш. *Latgale, Zemgale* (дало в древнерусском этнонимические обозначения *Латьгола, Земигола*); в значении „конец“, „местность“, „окрестности“ это литовские названия типа *Ramý-gala, Baisó-gala, Betý-gala*, лтш. *Birz-gale*, прус. *Keppe-galin* и др.²⁴ Поскольку кончанская экистическая структура не характерна для тех славянских народов, которые не контактировали с балтами, следует заключить, что прибалтийские славяне заимствовали ее у балтов. Кончанская структура Новгорода, следовательно, могла быть не только перенесена славянскими мигрантами из Прибалтики, но и воспринята в Приильменье от местного балтийского населения.

Как справедливо заметили В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, Новгород возник из слияния концов, первоначальных поселений²⁵. Синойклизм населения славянской и угро—финско—балтской сторон Волхова в единый экистический и политический организм — Новгород, без сомнения, уже в X в. проходил при преобладающей роли славянства, а также скандинавского суперстрата. Есть основания думать, что оставившие в Приильменье длинные курганы и сопки кривичи были этнокультурным социумом, включавшим балтов и славян, причем этот социум был сильно славянизирован²⁶. Значительной славянизации подверглось к X в. и финно-угорское население Новгородской земли²⁷. В силу этого к исходу I тыс. левобережные угро—финско—балтские поселки были в значительной мере ославянены, так что уже древнейшие слои Новгорода содержат не разноэтничные материальные остатки, а унифицированную во многом культуру городского типа и славянского в основном облика.

²³ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. — История СССР, 1971, № 2, с. 51, 56.

²⁴ Топоров В. Н. Балт. **Galind-* в этно-лингвистической и ареальной перспективе. — В кн.: Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. Рига, 1977, с. 125.

²⁵ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Указ. соч., с. 55—56.

²⁶ См. об этом доклады О. Давидан, А. и Д. Мачинских, В. Петренко на конференции 1985 г. (Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. — Рига, 1985, с. 57—58, 83—85).

²⁷ Седов В. В. Этнический состав населения, с. 74 сл.

В силу сказанного упоминаемые в летописных записях 1215, 1219, 1220 гг. в качестве участников внутригородской политической борьбы *прузи* — уже не этническое обозначение балтов, а название уличан, жителей Прусской улицы. Вместе с тем древний балтийский компонент новгородского населения вполне мог проявиться в XIII в. в таком архаичном антропониме, как **Ga-litaut-*. В целом, однако, больше оснований считать, что выявленные в данной работе балтийские имена в новгородских источниках скорее всего обязаны оседанию балтов в Новгороде в XIII—XV вв. Вместе с тем приведенные материалы о балтийском адстратном по отношению к славянам населении Новгорода и его земель ставят в повестку дня вопрос о тотальном выявлении балтийских ономастических элементов — топонимов и антропонимов — в новгородских письменных источниках, а также расширении и уточнении местной балтийской гидронимической номенклатуры.

SMULKMENA LXIII

V. Grinaveckis straipsnyje, paskelbtame čekoslovakų žurnale „Slavia“, 1986, t. 55, p. 54—55, tvirtina, kad rytų aukštaičių tarmėje *iļō* kamieno vienaskaitos vardininkas išlaikė nesutrumpintą baritonų galūnę *-īs* (pvz., *mēdīs* ‘medis’) dėl derinimosi prie veikiamųjų preterito dalyvių, tarmėje turinčių irgi *-īs* iš *-is* < *-es* (pvz., *būvīs* ‘buves’). Tokiai nuomonei prieštarauja Rūkiškio (Juostiniškų apyl.) bei Troškūnų šnekta, kurioje „Lietuvių kalbos atlaso“ duomenimis (t. 2, žml. 26, 51, punktai 270, 271) yra *mēdīs* (galūnės balsis pusilgis) šalia *būvis* (*i* redukuotas). Tačiau kodėl nurodytų galūnių ilgumas išlaikomas tik šiaurinėje rytų aukštaičių dalyje (kupiškėnai, uteniškiai ir kt.), o kitur rytų aukštaičiai, kaip ir pietų aukštaičiai (irgi *ę* verčiantys *i*), trumpina? V. Grinaveckis to nepaaiškina, nors tai ir sudaro problemos esmę.

Z. Zinkevičius